

ЛЕВ ПЕТРАЖИЦКИЙ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ШКОЛА И ПОЛЬСКАЯ ТЕОРИЯ И СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА *

К. МОТЫКА **

Статья посвящена творчеству выдающегося российского и польского ученого, правоведа, социолога, философа, а также депутата первой Государственной думы Российской империи Льва Иосифовича Петражицкого (польск. *Leon Petrażycki*). Автор рассматривает творчество Льва Петражицкого с точки зрения польской юридической мысли и позиционирует его как самую важную и самую узнаваемую фигуру в истории польской юридической науки (по меньшей мере, как одну из таких фигур). Анализируется историческая перспектива, изучаются роль, влияние и место теории Льва Петражицкого в системе польской теории права. Затрагивается также время пребывания Петражицкого на кафедре Санкт-Петербургского государственного университета. Автор сравнивает работы Льва Петражицкого с работами других польских правоведов (Ш. Рундштайн), анализирует сходство и различие научных подходов к праву. Подробно рассмотрена критика трудов Петражицкого в работах польских юристов того времени, а также современных польских правоведов. Автор раскрывает ту атмосферу, которая сложилась вокруг Льва Петражицкого после его вынужденной иммиграции в Польшу, описывает его взаимоотношения со сторонниками (Э. Ярр, Х. Пиетка, В. Маковски, В. Комарницкий, Е. Ланде) и противниками (Ч. Знамировский) психологической теории права. Особое внимание уделяется роли Ежи Ланде в продвижении и популяризации идей Петражицкого. Также описывается развитие идей Льва Петражицкого после Второй мировой войны, упоминаются работы ученых, развивавших идеи Петражицкого в тот период (А. В. Рудзински, Р. Шидловский, Г. Л. Шидлер). Затем автор исследует влияние советской эпохи, отмечает пагубное воздействие как Второй мировой войны, так и сталинизма на распространение теории и идей Льва Петражицкого. Наконец, подробно рассматриваются работы ученых, вдохновленных

Мотыка Кшиштоф, профессор
Католического университета
Люблина (KUL), магистр
наук, доктор философии
(заведующий кафедрой)

* Статья подготовлена на основе доклада, прочитанного автором на международной конференции «Санкт-Петербургская школа философии права и современная юриспруденция» в СПбГУ в октябре 2013 г. Перевод с англ. В. С. Дорохина.

** Krzysztof Motyka — Professor of the Catholic University of Lublin (KUL), Master of Science, PhD (head of the department).

E-mail: kmotyka@kul.lublin.pl

© Мотыка К., 2017

© Дорохин В. С., перевод на русский язык, 2017

творчеством Петражицкого в наше время (М. Фусцара, И. Якубовска-Браницкая, А. Койдер, Я. Курчевский, Е. Квасневский и др.).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Лев Петражицкий, психологическая теория права, Е. Ланде, А. Койдер, Я. Курчевский, Е. Квасневский, М. Фусцара, И. Якубовска-Браницкая.

MOTYKA K. LEON PETRAŻYCKI, ST. PETERSBURG SCHOOL AND THE POLISH THEORY AND THE SOCIOLOGY OF LAW

The article is devoted to the work of the outstanding Russian and Polish scholar, legal scientist, sociologist, philosopher, as well as the deputy of the first State Duma of the Russian Empire Leon Petrażycki. The author examines the work of Leon Petrażycki from the standpoint of the Polish legal thought and presents him as the most important and most recognizable figure in the history of the Polish legal science, or at least one of such figures. The author considers the historical perspective and studies the role, influence and place of Leon Petrażycki's theory in the system of the Polish theory of law. In terms of the historical aspect, the author also describes the time of Petrażycki's work at the department of the St. Petersburg State University. The author compares the works of Leon Petrażycki with the works of other Polish legal scientists (Sh. Rundstein), analyzes the similarities and differences in the scientific approaches to the law. He provides a detailed review of the criticism of Petrażycki's works in the works of the Polish lawyers of that time, as well as contemporary Polish legal scientists. The author reveals the atmosphere that was formed around Leon Petrażycki after his forced immigration to Poland and describes his relations with the supporters (E. Yarr, H. Pietka, V. Makovsky, V. Komarnitsky, E. Lande) and opponents (Znamirovsky) of the psychological theory of law. Special attention is given to the particular role of Jerzy Lande in promoting and popularizing Petrażycki's ideas. The article also describes the development of Leon Petrażycki's ideas after World War II, mentions the works of the scientists who developed Petrażycki's ideas at that time (A. V. Rudzinsky, R. Shidlovsky, G. L. Shidler). Then the author examines the influence of the Soviet era, notes the pernicious impact of both World War II and Stalinism on the dissemination of the theory and ideas of Leon Petrażycki. Finally, the work of scientists inspired by Petrażycki's work nowadays (M. Fuscara, I. Jakubowska-Branicka, A. Koider, J. Kurchevsky, E. Kvasnevsky and others) is examined in detail.

KEYWORDS: Leon Petrażycki, psychological theory of law, E. Lande, M. Fuscara, I. Jakubowska-Branicka, A. Koider, J. Kurchevsky, E. Kvasnevsky.

Лев Петражицкий является самой важной и самой узнаваемой фигурой в истории польской юридической науки — по меньшей мере, одной из таких фигур. Особенно велико было его влияние на теорию права, но его идеи нашли отражение и работах видных ученых-неправоведов, особенно философов и социологов. В этой статье я попытаюсь показать роль, влияние и место Петражицкого и его теории в польской теоретической мысли о праве со ссылкой на Санкт-Петербургскую школу философии права и ее присутствие в польской науке¹.

¹ Эта статья основана на книге автора «*Challenging Legal Orthodoxy: Petrażycki, Polish Jurisprudence and the Quest for the Nature of Law*», находящейся в стадии подготовки; она, в свою очередь, является английской версией его книги «*Wpływ Leona Petrażyckiego na polską teorię i socjologię prawa*» («Влияние Льва Петражицкого на польскую теорию и социологию права») (Lublin, 1993).

I

В первые годы XX в., когда Петражицкий уже заслужил репутацию большого ученого в Германии, а затем и в России, в правовой литературе разобщенной тогда Польши его работам уделялось мало внимания. В некотором роде это было вызвано тем, что ни одна из них не была опубликована на польском языке до середины 1920-х гг., хотя некоторые попытки в этом отношении и были предприняты.

Отмечая, что Петражицкий, как и многие выдающиеся польские ученые-юристы того времени, работал в одном из российских университетов и зарабатывал для этого учреждения славу и репутацию, которую могло бы получить его родное академическое сообщество, Станислав Познер писал с некоторой горечью: «К сожалению, ни одна частичка этой славы и известности не относится к тому обществу и к той нации, к которой профессор Петражицкий собственно принадлежит. Этот человек... сын польского народа... никогда не опубликовал ни одной фразы на польском. И все же... я не могу скрыть тот энтузиазм и гордость, которые переполняют меня всякий раз, когда я читаю его жгучие, глубоко духовные заявления... его настойчивые утверждения, что “любовь” должна быть основой использования права, или размышляю о его противопоставлении “интуитивного права” и позитивного права, состоящего из законов и государственных директив. Вот тогда я не могу отделаться от мысли, что действительно поляк, воспитанный на польском романтизме и мессианстве, обращается к нам со страниц толстых увесистых фолиантов Петражицкого... но это и огорчает меня тем, что я должен признать, что интеллект и творчество этого ученого в Санкт-Петербурге находятся вне орбиты современной польской науки, и ничего не делается, чтобы донести до нас влияние и дух его мысли»².

В этот период о Петражицком упоминается только в нескольких публикациях. Вероятно, самая первая ссылка на Петражицкого в польской науке появляется в обзоре С. Днистрански труда А. Огоновски «Австрийская система частного права» (1897 г.) в «Обзоре права и управления» от 1899 г.³ Для нас гораздо более важны берлинские заметки Шимона Рундштайна, написанные для «Варшавской судебной газеты» — одного из немногих легальных периодических изданий в Польше в те дни. Рундштайн с одобрением говорит о видении Петражицким гражданской политики и приветствует растущее влияние в немецкой судебной практике новых философско-правовых концепций, в том числе концепции самого Петражицкого. Рундштайн обращается к взглядам Петражицкого в обзоре «Введение в юридические науки» Иосифа Колера, своего старого берлинского наставника. Анализируя первую часть этой работы, он заметил: «Колер... имеет склонность к непрерывному, если не бесконечному, повторению банальностей, что не может не отразиться на восприятии его наименее способных учащихся. Нет ничего хуже, чем обыденная банальность. Я предпо-

² Posner S. W obcej szacie // Gazeta Sądowa Warszawska. 1909. N 24. S. 363.

³ Przegląd Prawa i Administracji. 1899. N 11. S. 882–895.

читаю удалые фантастические убеждения Петражицкого... Они вас увлекут, даже если вы не согласны с ними или находитесь в откровенной оппозиции. Вы все еще можете полюбоваться на конструктивный подход автора и обоснованность его концептуальных построений. Неважно, что время от времени он ведет вас в тупик или показывает реальность в кривом зеркале. Что могут предложить в свою очередь банальные повторения по сравнению с ним? Ни пищи для духа, ни испытания для ума. В действительности они просто могут подтвердить наш возраст в отвратительной привычке поклоняться прописным истинам»⁴.

В этой оценке взглядов Петражицкого, состоящей в основном из критики, хотя и не без положительных суждений, Рундштайн не дает точных оснований для возникших разногласий. Он восполнил этот пробел в своем исследовании «Об этически нейтральных правовых нормах» (1903 г.), также опубликованном в «Варшавской судебной газете». Там он утверждал, что взгляд на право, как на проявление индивидуальной психики, предложенный Петражицким, подразумевает под собой исключение права из его основы в виде общества и государства. Он также осудил как клише психологической теории центральное различие между правовыми нормами и нормами морали. Тем не менее он принял позицию Петражицкого о том, что мораль отличается от права в непризнаваемых действиях уполномоченных лиц или их представителей⁵.

Комментарии Рундштайна были изданы в том же году, что и исследование М. Шламтаца⁶. Работа Шламтаца заслуживает особого упоминания, поскольку она — единственное свидетельство проявления интереса к теории Петражицкого со стороны польских цивилистов. Шламтац полагал, что «*Die Fruchtverteilung*» «замечательно по содержанию и ослепительно по исполнению»⁷. Петражицкий был готов подвергнуть сомнению то, что теоретики права ранее приняли в качестве несомненной истины. Хотя Шламтац не согласился с позицией Петражицкого, он показал готовность принять некоторые из его утверждений, а также его социально-экономическую точку зрения для исследования правовых институтов. Шламтац заявил о признании заслуги Петражицкого в «повышении внимания к значимости действия правовой нормы в обществе, влиянию нормы на социальную психологию и ее роль в определении потребностей общества»⁸. Анализ работы Шламтаца показывает, что это была не пустая вежливость.

В 1906 г. был опубликован первый польский обзор работ Петражицкого. Он назывался «О мотивации человеческих поступков» и был написан для «*Philosophical Review*» учеником и сторонником Петражицкого Франциском Хорновски. Подчеркивая психологические взгляды Петражицкого,

⁴ Rundstein S. Z piśmiennictwa // Gazeta Sądowa Warszawska. 1902. N 30. S. 471.

⁵ Rundstein S. O etycznie obojętnych przepisach prawa // Gazeta Sądowa Warszawska. 1903. N 42, 43, 44.

⁶ Chłamtacz M. O nabyciu owoców przez posiadacza w dobrej wierze w klasycznym prawie rzymskim. Lwów, 1903.

⁷ Ibid. S. 4.

⁸ Ibid. S. V.

он уделил особое внимание нескольким проблемам, а именно фундаментальной мотивации, этическим и эстетическим эмоциям, разделению норм на позитивные и интуитивные, различию между правом и моралью и замечаниям по правовой социализации⁹.

Два обзора, вышедшие из-под пера А. Перетьятковича, были опубликованы в 1910 г. в журнале Ягеллонского университета управления и права «Право и экономика». Перетьяткович просто описал основные темы двух работ Петражицкого, а именно второго издания «Введения в теорию права и морали» и «Теории права и государства». Он разглядел в последней «редкие и точные решения, с большой оригинальностью и глубиной трактовки предмета, сопровождаемые тщательным эффективным развитием основных идей в их частностях»¹⁰. Он посчитал замечания Петражицкого об интуитивном и позитивном праве и описание их взаимосвязи одними из самых важных и интересных частей теории права и государства¹¹.

В другой работе этого периода Перетьяткович уточнил свою позицию как принятие только исследовательских методов Петражицкого (эмпирико-индуктивных, а не рационалистически-дедуктивных методов, как до сих пор считалось). Он настаивал на том, что Петражицкий не учитывает в достаточной мере нормативный характер права, который предполагает, что право связано прежде всего с нормами поведения. По его мнению, возможно верно, что отдельные психологические переживания являются источником и основой права, но это не оправдывает их представления в качестве его эквивалента.

Тот же год принес и первый конфликт с взглядами Петражицкого в польской теории права. Владислав Малиняк в своей книге «Философия права и толкование закона» попытался ответить на критику Петражицким коэрцитивной теории, которой Малиняк придерживался.

Значительные выдержки из теории Петражицкого можно найти в двух поздних работах С. Рундштайна «Судебные решения как источник права» и «О социологических основах правовой интерпретации»¹², в которых поднимаются проблемы психологической основы правового сознания, генезиса нормы частного права и взаимосвязь правовых норм и психологии общества с эволюцией закона и общественных идеалов. Однако выбор тем обусловлен не только позицией Рундштайна, но и в некоторой степени языком, который он использует и который напоминает язык Петражицкого. Например, Рундштайн утверждал, что функционирование правовой нормы в большей степени зависит от ее добровольного соблюдения и что «патологические случаи или случаи конфликтов и нарушения окружающего правопорядка... не ухудшают существования или обоснования (правовых)

⁹ Przegląd Filozoficzny. 1906. N 2–3. S. 296–305.

¹⁰ Czasopismo Prawnicze i Ekonomiczne. 1910. N 1–2. S. 288.

¹¹ Ibid. S. 291.

¹² *Rundstein S.* 1) Orzecznictwo jako źródło prawa // Themis polska. 1913. Vol. I; 2) O socjologicznych podstawach wykładni prawa // Themis polska. 1914. — Обе работы перепечатаны в: *Rundstein S.* Wykładnia prawa i orzecznictwo. Przyczynki metodologiczne. Warszawa, 1916.

норм»¹³. Он также рассматривает как правовые нормы и отношения, которые обычно исключались из рассмотрения, например нормы, регулирующие работу профсоюзов. Эти нормы (и отношения), полагал он, имеют «безошибочно правовой характер (в самом широком смысле), даже если они не подчинены государству. В любом случае это было бы неуместно для таких организаций»¹⁴. Примечательный отход Рундштайна от узкой государственнической концепции права можно рассматривать как дань идеям правового плюрализма Петражицкого.

Другое поразительное сходство возникает, когда начинаешь сравнивать рассуждения Рундштайна об эволюционных конфликтах между интуитивным и позитивным правом с мыслями самого Петражицкого. Рундштайн писал о «резонансных столкновениях между уже кристаллизованными правовыми оценками и постоянно меняющейся и развивающейся жизнью общества», и о «конflikте между распределениями ценности, которая уже кристаллизовалась, и изменением взглядов на таковое распределение в сознании общества»¹⁵.

Рундштайн, как и Петражицкий, обратил внимание на потенциальный конфликт между правовыми нормами и правовыми настроениями общества в результате провала законодателя при учете правовых убеждений общества. Петражицкий характеризовал это как конфликт между интуитивным и позитивным правом. Рундштайн описал его как «расхождение между возложенными и органично созданными оценками»¹⁶. По мнению Рундштайна, когда возникает конфликт, ценности и нормы, существующие в социальной психике, как правило, оказываются сильнее, поэтому он признавал «творческий потенциал юридических команд»¹⁷, то, что сейчас называется инновационной функцией права.

Следует признать, что Рундштайн непосредственно процитировал труды Петражицкого только один раз, говоря о просоциальном взаимодействии права и общественного сознания. Он продемонстрировал большую зависимость от поздних работ Э. Эрлиха, Г. Канторовича, Г. Еллинека, Л. Шпигеля, Э. Юнга, М. Планиоля, И. Корнфельда, М. Леруа и Е. Ламберта.

1916 год — важная веха для рецепции мысли Петражицкого в польской науке, именно тогда Ежи Ланде опубликовал свою первую работу. Ученик Петражицкого из Санкт-Петербурга, Ланде стал самым выдающимся из его польских последователей и главным выразителем его теории. Лекция «Предмет и метод философии права»¹⁸, прочитанная им 6 июня 1916 г. в Польском обществе психологии в Варшаве, зародила надежду, хотя и несбыточную, на то, что психологи могут также использовать психологическую теорию права. Видение Ланде философии права в его

¹³ *Rundstein S.* Wykładnia prawa i orzecznictwo. S. 165.

¹⁴ *Ibid.* S. 166.

¹⁵ *Ibid.* S. 84, 85.

¹⁶ *Ibid.* S. 84.

¹⁷ *Ibid.*

¹⁸ *Lande J.* Przedmiot i metody filozofii prawa // *Przegląd Filozoficzny*. 1916. S. 195–222 (перепечатано в его книге: *Lande J.* *Studia z filozofii prawa*. Warszawa, 1959. S. 87–130).

выступлении относилось более к теории права, чем к правовой политике и добросовестно отражало взгляды Петражицкого, в котором Ланде видел своего учителя.

В том же году мир познакомился с научными концепциями Петражицкого, представленными для обсуждения Юридическому обществу в Варшаве. Адам Джиджицкий предложил общее изложение теории права Петражицкого, в то время как Ежи Ланде представил краткое изложение идей Петражицкого о правовой политике. Работа Джиджицкого и введение Ланде были опубликованы в «Варшавском судебном вестнике»¹⁹.

В том же журнале была опубликована работа Чеслава Межро «Возникновение и падение государства»²⁰, в которой он продемонстрировал свою высокую степень зависимости от взглядов Петражицкого. Тем не менее Межро критиковал концепции Петражицкого об эмоциях как элементарном психологическом опыте и возможности его использования в качестве основы для концепции права.

Этими работами исчерпывается скудный список публикаций, которые впервые сделали своим предметом психологическую теорию права и ее создателя. Влияние Петражицкого на польскую науку, как и знакомство с его достижениями, оставались незначительными. Эта ситуация не сильно изменилась с назначением Льва Петражицкого 22 мая 1912 г. действительным членом Академии наук в Кракове. Только в 1916–1917 гг. были приложены более значимые усилия для принятия основных элементов системы Петражицкого, в частности его психологического толкования права.

Почти все упомянутые выше авторы высказывались против тех или иных тезисов Петражицкого. Только Ежи Ланде не выражал никаких сомнений по поводу психологической теории права, хотя даже в его случае некоторые опущения и особенности изложения дали основание считать, что он не нашел все ее положения достаточно убедительными.

Следует подчеркнуть, что все эти авторы были тогда еще молоды и лишь начинали академическую карьеру. Их зрелость как ученых по большей части совпала с периодом истории Польши времен Второй республики, когда они стали заметными, влиятельными сторонниками теоретических позиций, о принятии которых заявляли ранее.

II

В 1919 г. Петражицкий перебирается из Санкт-Петербурга в возрождающуюся Польшу, чтобы занять кафедру социологии на юридическом факультете Варшавского университета — место (первое в стране), которое был создано *ad personam* для него и по его собственному желанию. Кроме того, он стал профессором Школы политических исследований в Варшаве, Свободного польского университета в Лодзи (там он также был вице-президентом в 1922–1924 гг.). В течение этого периода творчество Петра-

¹⁹ *Dziedzicki A. Szkoła psychologiczna w prawie // Gazeta Sądowa Warszawska. 1916. N 26. S. 305–307; N 27. S. 317–319; N 46. S. 508.*

²⁰ *Mejro Cz. Powstanie i upadek państwa // Gazeta Sądowa Warszawska. 1917. N 25–27.*

жицкого пользовалось популярностью в Варшаве, где его лекции (как и в Санкт-Петербурге) посещали не только будущие юристы, но и студенты других факультетов, включая медицинский, а также просто сторонние слушатели²¹.

Варшава стала главным городом не только для самого ученого, но и для двух его наиболее активных последователей: Эугениуша Ярры, ученого с кафедры теории права, и Хенрика Пиетка, студента Петражицкого. Несмотря на определенную приверженность юридическому позитивизму, Ярра и Пиетка (в большей степени) обратились к психологическим элементам теории Петражицкого²². Из других современных ученых, которые следовали идеям Петражицкого, можно назвать Вацлава Маковски²³ и Вацлава Комарницкого²⁴.

После трагической гибели Петражицкого его последователи основали общество Льва Петражицкого, которое, правда, не вело активной деятельности вплоть до Второй мировой войны. Президент общества Ежи Филькелькраут, бывший помощник Петражицкого, сыграл важную роль в публикации некоторых рукописей своего учителя, а также переводов нескольких работ Петражицкого на польский язык. Также стоит отметить социологическую студенческую ассоциацию Льва Петражицкого в Варшавском университете, которая способствовала популяризации идей своего патрона.

Особую роль в польской рецепции теории Петражицкого сыграл его петербургский студент Ежи Ланде, который работал в Университете Вильно (1921–1929), а затем в Ягеллонском университете в Кракове. Усилия Ланде по популяризации и защите теории своего учителя были чрезвычайно важными, потому что, по некоторой неясной причине, Петражицкий сторонился вступать в полемику со своими противниками, такими как Чеслав Знамировски из Университета Познани, который обвинил Петражицкого в психологизме, субъективизме, социальном атомизме, и т. д.²⁵

²¹ См., напр.: *Dega W. Zapiski do autobiografii (cz. 1) Moja droga życiowa do wiedzy i zawodu // Kwartalnik Historii Nauki i Techniki. 1985. N 2. S. 259–322. URL: <http://www.wiwi.pl/wielcy/kwartalnik/degawiktor.asp> (accessed: 20.12.2016).*

²² *Jarra E. Ogólna teoria prawa. Warszawa, 1922; Piętko H. Przedmiot i metody socjologii prawa. Warszawa, 1933.*

²³ *Makowski W. 1) Przyczynek do psychologii kryminalnej (Teoria “r=p”) // Themis polska. 1914. N 1–2; 2) Podstawy filozofji prawa karnego. Vol. I. Warszawa, 1917; 3) Państwo społeczne. Warszawa, 1936; 4) Nauka o państwie. Warszawa, 1939.*

²⁴ *Ogólna teoria prawa. Według wykładów prof. Waclawa Komarnickiego w roku akad. 1931/1932. S. I., s. a.*

²⁵ *Znamierowski Cz. Psychologizyczna teoria prawa. Analiza krytyczna // Przegląd Filozoficzny. 1922. N 1. — С. Знамиеровски, главный критик психологической теории права, утверждал, что теория Петражицкого наделяет психологическими свойствами непсихологические сущности. Как и С. Мейро, Знамиеровски особенно возражал против использования эмоции в качестве элементарного опыта. Он также был несогласен с представлениями Петражицкого о проекции и способе различения права и морали. Знамиеровски проанализировал концепцию адекватности Петражицкого, утверждая, что она была основана на ошибочных посылах. В то же время он был готов признать, что теория Петражицкого — наиболее эффективная и развитая из психологических теорий права. Ученый считал, что ее положения предельно ясны, контрастируя с непрозрачностью других психологических теорий. Было высказано сожаление о том, что Петражицкий*

Ланде признавал преувеличения в теории своего учителя, особенно в ее программной плоскости и психологической позиции (связывая их, однако, с тем, что следует отличать полемический контекст от субстантивного); вместе с тем он интерпретировал эту теорию как многоплановую. Благодаря Ланде идеи Петражицкого распространились в академических кругах Вильно и Кракова.

Благодаря своей работе в Университете Вильно Петражицкий оставил след в творчестве таких правоведов, как Бронислав Врублевский, Савва Фридман и Юзеф Зайковски. Очарованные психологической теорией права в начале их академической карьеры, эти ученые использовали мысль Петражицкого в качестве отправной точки, из которой они вырастили свои собственные идеи, зачастую разработанные *a contrario*²⁶.

Усилия Ланде принесли свои плоды и в Ягеллонском университете, особенно в работах Ежи Штыкголда, стремившегося перестроить теорию Петражицкого в большей согласованности с позитивным правом²⁷, и Станислава Челински, который использовал психологический подход к целому ряду вопросов и высказал мнение о том, что «благодаря эпохальному исследованию Петражицкого психологические позиции в правовой теории получили непоколебимое основание»²⁸.

Мысли Петражицкого нашли также некоторых сочувствующих в Католическом университете в Люблине (где теория права преподавалась на трех факультетах!), в частности нужно отметить его петербургского студента Михаила Оржецки²⁹, хотя большинство ученых-правоведов в то время в Люблине представляли другие школы³⁰.

III

Вторая мировая война имела катастрофические последствия для распространения идей Петражицкого. Большинство его варшавских по-

не разработал более тщательно такие интересные идеи, как унификационная тенденция права или интуитивные правовые переживания. Петражицкому потребовалось долгое служение науке, утверждал Знамиеровски, чтобы обозначить психологические методы для решения проблем в правовой теории. Конечно, они стали темами более поздних работ Знамиеровски.

²⁶ *Ogólna nauka o prawie* / B. Wróblewski (ed.). Vol. I–II. Wilno, 1936–1938.

²⁷ *Sztykgold J.* Psychologiczna teoria prawa pozytywnego (неопубликованный автореферат диссертации 1937 г., хранится в архиве Ягеллонского университета).

²⁸ *Cheliński S.* Pojęcie rozkazu w świetle ogólnej teorii norm // *Chasopismo Prawnicze i Ekonomiczne*. 1924. No 23. S. 89–147.

²⁹ *Orzecki M.* Leon Petrażycki — zamiast nekrologu // *Palestra*. 1931. N 8–9. S. 404–410; *Szyszkowski W.* Orzęcki Michał // *Polski Słownik Biograficzny*. Vol. XXIV. 1979. S. 321; *Potrzeszcz J.* Filozoficznoprawne poglądy Michała Orzęckiego jako przykład petrażycjańskich inspiracji // *Prawo, Administracja, Kościół*. 2006. N 4. S. 273–291.

³⁰ Но даже польский томист Чеслав Мартыняк принял несколько идей Петражицкого (*Martyniak C.* *Problem filozofii prawa*. Lublin, 1949). Недавно Александр Шитов использовал томистский и петражицкианский подходы в своем исследовании «Совесть и любовь в принятии судебных решений» (Springer, 2002).

клонников — молодые потенциальные последователи, а также несколько видных ученых, которые придерживались его тезисов, — погибли³¹.

Несмотря на эту трагедию, были опубликованы несколько новых работ, основанных на идеях Петражицкого: кроме поздних произведений Ланде и Пиетка свои работы издали Александр Витольд Рудзински (Штейнберг), Роман Шидловский и Гжегож Леопольд Шидлер.

Рудзинский в своей книге, которая была первым трудом о деонтической логике на польском языке, касался в основном отрицания нормы и критически разработанной Петражицким типологии правовых отношений³². Шидловский, в свою очередь, писал о материалистической интерпретации теории Петражицкого и о своей дефиниции официального права. По его собственному определению, которое Шидловский считал согласуемым с психологической теорией права, официальное право — это «императивно-атрибутивный опыт, характеризующийся сопровождающей осведомленностью принуждения на атрибутивной стороне и страхом перед принуждением — на императивной»³³. Наконец, Шидлер в его двух небольших книгах относит теорию Петражицкого к анализу феномена государственной власти и конституционных норм³⁴, наделяет эту теорию «величием и жизненной силой» и утверждает, что Петражицкий «открыл путь для юридических теоретиков в проведении реального исследования права». Он считал, что его собственное предложение о применении социологических методов в области конституционного права представляет собой реализацию идей Петражицкого в самой важной области правовой жизни.

К сожалению, с приходом сталинского режима в коммунистической Польше эти работы были преданы забвению. Более того, некоторые сторонники Петражицкого, такие как Шидлер, радикально изменили позиции и подвергли резкой критике его теорию и попытки «построить мосты» между ней и марксизмом. Шидлер писал в 1950 г. о том, что мы нуждаемся в срочной критике основных положений теории Льва Петражицкого, чтобы удалить мертвечину буржуазной методологии и концепций, мешающих развитию польских правовых исследований³⁵.

³¹ *Licki J.* The Life and Work of Leon Petrażycki (Report at the Scientific Session on Petrażycki, November 11, 1976 at the Polish Sociological Association). S. l., s. a. P. 30.

³² *Rudziński A. W.* Z logiki norm. Kraków 1947. — В этом контексте стоит сказать, что ученик вышеупомянутого Чеслава Мартыняка — Ежи Калиновский из Люблинского католического университета (в 1959 г. он переехал во Францию) — ссылаясь на Петражицкого также в своем анализе логики норм права: *Kalinowski J.* 1) *Teoria poznania praktycznego*. Lublin, 1960; 2) *La norme, l'action et la théorie des propositions normatives* (Réponse à M. Ota Weinberger) // *Studia Logica*. 1963. P. 107; 3) *Querelle de la science normative*. Paris, 1969.

³³ *Szydłowski R.* 1) *Siła i prawo*. Kraków, 1946. S. 74–75; 2) *Studia prawne*. Kraków, 1945.

³⁴ *Seidler G. L.* 1) *O istocie władzy państwowej*. Kraków, 1946; 2) *Rozważania nad normą ustrojową*. Kraków, 1947.

³⁵ Тем не менее критика Шидлера показала неудовлетворительной Мареку Фрицанду, который настаивал, что исключение влияния теории Петражицкого являлось «одной из задач, в настоящее время стоящих перед идеологическим фронтом в Польше», и критиковал Шидлера за «нахождение под влиянием... мифа» об уникальной сущности

После падения сталинизма в 1956 г. тотальная критика мысли Петражицкого была заменена в Польше так называемым критическим анализом, используемым марксистскими теоретиками. Критический анализ в послевоенный период в Польше был направлен на выявление положительных и отрицательных элементов теории Петражицкого, и имелись некоторые стимулы для собственного исследования этой критики. Можно назвать это селективной рецепцией теории Петражицкого. Благодаря ученикам Ланде — Казимиру Опалеку, Ежи Врублевски, Марии Боруке-Арктовой, Адаму Подгорецкому, Веславу Лангу — эти идеи навсегда заняли место в польской юриспруденции. Хотя эти ученые были «рenegатами» с точки зрения Ланде (а следовательно, Петражицкого), так как большинство из них считали себя марксистами, тем не менее, они часто возвращались к своему источнику руководства и вдохновения. Они уделяли большое внимание анализу психологической теории права и стремились вернуться к мыслям Петражицкого, использовать их в качестве отправных точек для размышлений в своих сочинениях.

Эта тенденция была особенно заметна в период 1956–1970 гг., когда главные произведения Петражицкого были переведены на польский язык под патронажем польской Академии наук³⁶. Академический комитет правовых наук опубликовал в 1969 г. сборник работ известных польских ученых, в основном студентов Ланде, посвященных научным идеям Петражицкого, в ознаменование 100-летия со дня его рождения³⁷. В предисловии к этому изданию Стефан Розмарин, который в конце 1940-х гг. призвал к отказу от буржуазной теории права и предостерегал от попыток адаптации теории Петражицкого к марксизму³⁸, теперь согласился, что «принятие позиции по отношению к теориям и идеям Петражицкого является научно плодотворным», и «немало заявлений Петражицкого должны быть причислены к категории действительно новаторских»³⁹. Такую же позицию несколько лет ранее занял Ежи Ковальски, автор первой и единственной польской монографии о правовой теории⁴⁰ Петражицкого. Ковальский сосредоточил свое внимание не на недостатках и промахах теории Петражицкого, а на том, что он считал важным и достойным внимания, особенно с точки зрения современных интересов⁴¹.

этой теории (*Fritzhand M.* Prawo i moralność w teorii Petrażyckiego // *Państwo i Prawo*. 1952. N 8–9. S. 220–221, 223–224).

³⁶ *Wstęp do nauki prawa i moralności. Podstawy psychologii emocjonalnej*. Warszawa, 1959; *Teoria prawa i państwa w związku z teorią moralności*. T.I–II. Warszawa, 1959–1960; *Wstęp do nauki polityki prawa*. Warszawa, 1968.

³⁷ *Z zagadnień teorii prawa i teorii nauki Leona Petrażyckiego* / ed. by K. Opałek. Warszawa, 1969.

³⁸ *Rozmarn S.* Prawo i państwo // *Demokratyczny Przegląd Prawniczy*. 1949. N 11. S. 17.

³⁹ См. также: *Rozmarn S.* Przedmowa // *Z zagadnień teorii prawa i teorii nauki Leona Petrażyckiego*. S. 5, 6.

⁴⁰ *Kowalski J.* Psychologiczna teoria prawa i państwa Leona Petrażyckiego. Warszawa, 1963.

⁴¹ Он также обсудил критику и рецепцию работ Петражицкого в трудах российских ученых, в том числе Рейснера, Дембского, Магазинера, Ивановского, Соколова, Круглевского, Гурвича, Тимашева, Лазерсона и Сорокина (*Ibid.* S. 184–208).

Схожее отношение к наследию Петражицкого присутствовало в двух других важных сборниках, опубликованных в период «Солидарности» по случаю 50-летия его смерти: спецвыпусков «*Studia Filozoficzne*» и «*Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska*»⁴². Симптоматично, что в предисловии к последней публикации Шидлер, ведущая фигура марксистской философии права в Польше, уже упомянутый выше, назвал Петражицкого самым крупным славянским философом права XX в., заявив также, что «некоторые фрагменты великой петражицкианской системы оказались устойчивыми... Наши знания о культуросознанной роли права и его интегрирующе-воспитательной функции уже никогда не будут ни поверхностными, ни наивными. Они стали глубокими и солидными, потому что жил и творил Лев Петражицкий»⁴³.

Польские теоретики права были особенно вдохновлены вертикальным измерением концепции права Петражицкого, касающимся онтологического статуса права (психологизм), и разработанной Ланде идеей о многоуровневом характере права. В то же время социологи права (или, точнее, те, кто не объявлял себя марксистами, например Адам Подгорецкий и его коллеги) находились под влиянием горизонтального измерения его концепции, касающейся ее протяженности (антиэтатизм / правовой плюрализм). Они полагали, что кроме «официального права» наблюдается также «неофициальное право», причем оно может восприниматься как «позитивное право» или как «интуитивное право»⁴⁴. Обе группы в то же время участвовали в исследованиях правосознания и действия права, а также продолжали обсуждение идеи Петражицкого о правовой политике. Первая

⁴² *Studia Filozoficzne*. 1981. N 5; *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska*. Sectio G "Ius". 1981. — Опубликованные там материалы см. в: *Петражицкий Л. И.* Теория и политика права: избр. труды / науч. ред. Е. В. Тимошина. СПб., 2011. С. 994–995.

⁴³ *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska*. S. III–IV. — Двумя годами ранее Ежи Смиаловски (*Jerzy Śmiałowski*) из Ягеллонского университета критиковал рецепцию теории Петражицкого в Польше из-за ее ревизионистской роли. См.: *Śmiałowski J.* Społeczno-polityczne uwarunkowania recepcji doktryny Leona Petrażyckiego w Polsce Ludowej (*Studium komparatystyczne*) // *Krakowskie Studia Prawnicze*. 1976. S. 105–145. — См. также ответ: *Kowalski J., Wróblewski J.* Zagadnienia krytyki i recepcji teorii Leona Petrażyckiego w Polsce Ludowej // *Krakowskie Studia Prawnicze*. 1978. S. 3–35.

⁴⁴ Теория Петражицкого провозглашала онтологический монизм (право — это одноуровневое, чисто психологическое явление), но также признавала плюрализм правовых систем. Концепция современных марксистских теоретиков была обратной. Они настаивали на онтологической сложности права и монизме правовых систем в обществе. Иными словами, теория Петражицкого была, по крайней мере программно, одноуровневой и антистатической, в то время как марксистская теория права — многоуровневой и статической. О петражицкианских аспектах работ Подгорецкого см.: *Motyka K.* Prawo — socjologia prawa — polityka prawa. Wątki petrażycjańskie w twórczości naukowej Adama Podgóreckiego // *Między autonomią a kontrolą* / eds. A. Kojder, J. Kwaśniewski. Warszawa, 1992. S. 88–100. — См. также: *Adam Podgórecki's Arguments with Petrażycki* // *Prace Instytutu Stosowanych Nauk Społecznych*. N 2. *Sociology of Law* / ed. by J. Kurczewski. Warszawa, 1999. S. 31–45; *Блюдина У. А.* Л. И. Петражицкий и польская школа социологии права // Социологические исследования. 2004. № 9. С. 41–50; *Kojder A.* Inspiracje Petrażycjańskie w twórczości Adama Podgóreckiego // *Idee naukowe Adama Podgóreckiego* / eds. J. Kwaśniewski, J. Winczorek. Warszawa, 2009. S. 37–52. — Несмотря на научный нонконформизм, работа Подгорецкого была переведена на русский язык: *Подгорецкий А.* Очерк социологии права. М., 1974.

группа связывала ее, как и Петражицкий, с теорией прогресса (на этот раз марксистской), в то время как Подгорецкий принял эту идею в ее ценностно нейтральной, минималистичной интерпретации⁴⁵.

Наиболее известные отсылки к традиции Петражицкого среди польских авторов во времена коммунизма можно найти у теоретика права Казимежа Опалека и социолога права Адама Подгорецкого, причем последний наиболее сильно подчеркивал связь собственного теоретизирования о праве, своих социологических правовых исследований с психологической теорией права. Вот почему Клаус Цигерт утверждает⁴⁶, что «мы должны начать с Петражицкого, чтобы понять Подгорецкого»: «Адам Подгорецкий является ближайшим звеном между традицией, заложенной Петражицким, и современной польской социологией права. Он не удовлетворялся лишь включением идей Петражицкого в свои исследования, что в большей или меньшей степени с переменным успехом делали все ученые из Краковской группы. Скорее всего, он пытался следовать научной программе, “месседжу” работ Петражицкого в рамках современной методологии социальных наук и теории, стремясь продолжить исследование Петражицкого о социальной природе права и задачах, которые “реальная” юридическая наука должна установить»⁴⁷.

Цигерт был прав в том, что «на самом деле, работа Подгорецкого может рассматриваться как попытка проверить императивно-атрибутивный характер права в теории Петражицкого»⁴⁸.

В этой проверке Подгорецкому помогали его ученики, а затем и коллеги, в особенности Анджей Койдер, Яцек Курчевский, Ежи Квасьневский и Казимеж Фриске, которые разделяли (а большинство продолжают разделять) увлечение их наставника наследием Петражицкого в целом и его концепцией права в частности, даже если они интерпретировали это наследие в социологических, а не психологических категориях⁴⁹. Особую роль в этой группе, в петражицкианской школе Адама Подгорецкого, играют Койдер, который много сделал для укрепления знаний о жизни и работе Петражицкого⁵⁰, и Курцевски, уделявший меньшее внимание самой теории Петра-

⁴⁵ *Kwaśniewski J.* Polityka prawa jako nauka praktyczna // *Prawo w społeczeństwie* / ed. by J. Kurczewski. Warszawa, 1975. S. 193–221.

⁴⁶ *Ziegert K. A.* Adam Podgórecki's Sociology of Law: the Invisible Factors of the Functioning of Law Made Visible // *Law and Society Review*. 1977. N 1. P. 151–180, at 171.

⁴⁷ *Ibid.* P. 154.

⁴⁸ *Ibid.* P. 168.

⁴⁹ В том же направлении петражицкианская концепция права была переосмыслена российскими учениками Петражицкого. См. об этом, напр.: *Baum K. B.* Leon Petrazycki und seine Schüler. Der Weg von der psychologischen zur soziologischen Rechtstheorie in der Petrazycki gruppe. Berlin, 1967; *Horvath B.* Timasheff and Lasting Merits of the Petrazhitzky School. *Oesterreichische Zeitschrift fuer oeffentliches Recht*. 1971. S. 347–362; *Schiff D.* N. S. Timasheff's Sociology of Law // *Modern Law Review*. 1981. P. 400–421.

⁵⁰ Длинный список его публикаций в этой области включает в себя: *Petrażycki L.* O nauce, prawie i moralności. *Pisma wybrane* / ed. by A. Kojder. Warszawa, 1985; *Kojder A.* 1) *Godność i siła prawa*. Warszawa, 1995; 2) Leon Petrazycki's Socio-legal Ideas and their Contemporary Continuation // *Journal of Classical Sociology*. 2006. N 3. P. 333–358; *Койдер А.* Жизнь и творчество Леона Петражицкого // *Петражицкий Л. И. Теория и политика права:*

жицкого, но широко использовавший его творчество для формулировки своих собственных взглядов в области социологии права⁵¹. Некоторые из учеников Курчевского, особенно Малгожата Фусцара, Ивона Якубовска-Браницкая и Катажина Дженишевска-Нароска, также используют теорию Петражицкого в собственных исследованиях⁵². Койдер и Курчевский опубликовали также работы на основе концепций двух членов петербургской школы философии права, или, как обычно говорят польские ученые, петербургской школы Льва Петражицкого, — Николая Тимашева⁵³ и Питирима Сорокина⁵⁴, чьи работы и методики преподавания представили его теорию на Западе, особенно в англоязычных ученых кругах. Нужно упомянуть, что после публикации в 1955 г. *Harvard University Press* книги Петражицкого «Право и мораль»⁵⁵ в рецепции его концепции на Западе польские ученые

избр. труды / науч. ред. Е. В. Тимошина. СПб., 2010. С. XXXVII–LXXII; Leon Petrażycki o ustroju socjalistycznym // Prawo i nauka w poglądach Leona Petrażyckiego / eds. D. Gil, Ł. Piłkuła. Lublin, 2013.

⁵¹ См., напр.: *Kurczewski J.* 1) Ambiguous Reciprocity // Polish Sociological Bulletin. 1976. N 2. P. 5–16; 2) O badaniu prawa w naukach społecznych. Warszawa, 1977; 3) Świat prawny dziecka // Psychologia Wychowawcza. 1986. N 2. S. 155–172; 4) From Sociology of the Normative // Niedzica Castle Papers on Rights and Duties / ed. J. Kurczewski. Warszawa, 1987 (книга, посвященная памяти Петражицкого); 5) Spór i sądy. Warszawa, 1982; 6) Resurrection of Rights in Poland. Oxford, 1993; 7) Nexus iuris: więzi społeczne i trójkąt etyczny // Societas/Communitas. 2006. S. 73–89.

⁵² *Fuszara M.* 1) Negotiating Rights and Duties in Private Accusation Cases // Niedzica Castle Papers on Rights and Duties. P. 43–66; 2) Feminist Sociology of Law // Prace Instytutu Stosowanych Nauk Społecznych. 1999. N 2. P. 114–140; 3) Leon Petrażycki on Women's Rights // Societas/Communitas. 2009. P. 37–45; *Jakubowska I.* 1) Procesy kształtowania się przekonań i ocen moralnych dzieci i młodzieży. Warszawa, 1986; 2) Leon Petrażycki's Theory of Morality and Law and the Ethical Development of Children and Youth // Niedzica Castle Papers and Rights Duties. P. 96–107; 3) Teoria sprawiedliwości Leona Petrażyckiego. O równowadze uprawnień i obowiązków // O społeczeństwie, prawie i obyczajach. Warszawa, 2013. S. 23–43; *Dziewiszewska-Naroska K.* 1) The Citizens' Rights and Freedoms in the Legal Understanding of the Small Town's Inhabitant // Prace Instytutu Stosowanych Nauk Społecznych. 1999. P. 267–295; 2) New Technologies introduce New areas where unofficial law is created and new challenges for official law // Societas/Communitas. 2011. P. 115–119; 3) ACTA, czyli Antyteza Cnoty Tolerancji Akademickiej. Rzecz o ściąganiu przez przyrząd koncepcji Leona Petrażyckiego // O społeczeństwie, prawie i obyczajach. S. 63–82.

⁵³ *Kojder A.* Etyczno-imperatywna idea prawa Nicholasa S. Timasheffa // Prawo i społeczeństwo obywatelskie. Warszaw, 1990. S. 179–194.

⁵⁴ *Kurczewski J.* Pitirima Sorokina teoria działań pozytywnych // Normy, Dewiacje i Kontrola Społeczna. 2013. — В другой статье Курчевский указывает, что Сорокин «всю жизнь был верен трудам великих петербургских учителей», и утверждает, что утраченная социология Петражицкого «существует в форме социологии Питирима А. Сорокина». См. также: *Kurczewski J.* Bronisław Malinowski Misunderstood — or How Leon Petrażycki's Concept of Law is Unwittingly Applied in Anthropology of Law // Societas/Communitas. 2009. P. 47–62, at 48 and 60. — Стоит отметить работу: *Bludina U.* Development of theoretical ideas and concepts of P. A. Sorokin // Prace Instytutu Stosowanych Nauk Społecznych. 2003. S. 187–210. — Есть несколько работ о Сорокине на польском, большинство за авторством *Czesław Gryko* который ссылается на Петражицкого в: *Gryko C.* Integralna teoria kultury Pitirima A. Sorokina. Lublin, 2000. — Достаточно странно, но упоминание о Петражицком отсутствует в предисловии *Henryk Domański* к польскому изданию книги Сорокина «Social Mobility» (Ruchliwość społeczna. Warszawa, 2009).

⁵⁵ *Petrażycki L.* Law and Morality / transl. H. W. Babb, introd. N. S. Timasheff. Cambridge, MA, 1955; *Motyka K.* Amerykańskie petrażycjana: Law and Morality w oczach krytyki // Prawo i ład społeczny. Warszawa, 2000. S. 314–327.

сыграли такую же роль, какую российские студенты Грубер, Гурвич, Лазерсон, Мейендорф, Сорокин и Тимашев сыграли ранее⁵⁶.

Крах коммунизма не вызвал резкую смену в отношении к теории Петражицкого в Польше, как это произошло в России, где ее преданная забвению дореволюционная интеллектуальная традиция переживает новое рождение.

По прошествии 25 лет после освобождения страны от марксизма становится очевидной вестернизация, которая была ей навязана, в том числе в области науки, например, в философии и социологии права. Но все же наша традиция воспринимается как открытие и рост академического интереса к современным западным течениям. Однако Петражицкий привлекает не только зрелых ученых, таких как Томаш Гьяро⁵⁷, но и новое поколение польских юристов и социологов; с их точки зрения, «нет сомнений, что можно ему доверять как ученому» и интерпретировать его идеи заново⁵⁸. Возможно, некоторые из них станут не только экспертами по Петражицкому и его теории, но и петражицкианцами.

References

Baum K. V. Leon Petrazycki und seine Schüler [Leon Petrazycki and his students]. *Der Weg von der psychologischen zur soziologischen Rechtstheorie in der Petrazycki gruppe* [The path from the psychological to the sociological theory of law in Petrazycki group]. Berlin, 1967.

Bliudina U. A. L. I. Petrazhitskii i pol'skaia shkola sotsiologii prava [Petrazhitsky and the Polish school of the sociology of law]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*. 2004, no. 9, pp. 41–50. (In Russian)

Cheliński S. Pojęcie rozkazu w świetle ogólnej teorii norm [The Concept of Command in the Light of General Theory of Norm]. *Chasopismo Prawnicze i Ekonomiczne*. 1924, no. 23, pp. 89–147.

Chlamtacz M. *O nabyciu owoców przez posiadacza w dobrej wierze w klasycznym prawie rzymskim* [On the Acquisition of Fruits by Bona Fide Possessor in Classic Roman Law]. Lwów, 1903.

Dybała A., Piкуła Ł. O Leonie Petrażyckim raz jeszcze [About Leon Petrażycky again]. *Prawo i nauka w poglądach Leona Petrażyckiego*. [Law and science in thoughts of Leon Petrażycky] Eds. D. Gil, Ł. Piкуła, Lublin, 2013, pp. 9–10.

⁵⁶ См. работы (в основном на английском), названные в библиографии в книге: *Петражицкий Л. И. Теория и политика права: избранные труды*. — См. также: *Wróblewski J. Teaching Jurisprudence in Poland: from Petrażycki to Marxist Theory // L'Educatione giuridica. II-Profilii storici*. Perugia, 1979.

⁵⁷ Т. Гьяро написал обширную работу на итальянском (*Giario T. La Civilpolitik di Petrazycki o dell'amore nel sistema decentralizzato // Index*. 1995. P. 97–157) и еще одну работу: *Giario T. Leon Petrażycki i ekonomiczna analiza prawa. Materiały do dalszych rozważań // Nauka i nauczanie prawa. Tradycja i przyszłość / ed. H. Izdebski. Warszawa, 2009. S. 221–239*. — См. также: *Kaczmarczyk H. Państwo i gospodarka w poglądach Leona Petrażyckiego // Prawo i nauka w poglądach Leona Petrażyckiego / eds. D. Gil, Ł. Piкуła, Lublin, 2013. S. 33–40*.

⁵⁸ *Dybała A., Piкуła Ł. O Leonie Petrażyckim raz jeszcze // Prawo i nauka w poglądach Leona Petrażyckiego / eds. D. Gil, Ł. Piкуła, Lublin, 2013. S. 9–10*.

Dziedzicki A. Szkoła psychologiczna w prawie [Psychological School in Law]. *Gazeta Sądowa Warszawska*. 1916, no. 26, 27, 46.

Dziesięzewska-Naroska K. The Citizens' Rights and Freedoms in the Legal Understanding of the Small Town's Inhabitant. *Prace Instytutu Stosowanych Nauk Społecznych*. 1999, pp. 267–295.

Fritzhand M. Prawo i moralność w teorii Petrażyckiego [Law and Morality in the Theory of Petrażycki]. *Państwo i Prawo*. 1952, no. 8–9.

Fuszara M. Negotiating Rights and Duties in Private Accusation Cases. *Niedzica Castle Papers on Rights and Duties*. Ed. J. Kurczewski. Warszawa, 1987, pp. 43–66.

Horvath B. Timasheff and Lasting Merits of the Petrazhitzky School. *Oesterreichische Zeitschrift fuer oeffentliches Recht*. 1971, pp. 347–362.

Jakubowska I. *Procesy kształtowania się przekonań i ocen moralnych dzieci i młodzieży* [Processes of Shaping Up Moral Convictions and Appraisals of Children and Youth]. Warszawa, 1986.

Jarra E. *Ogólna teoria prawa* [General theory of law]. Warszawa, 1922.

Kalinowski J. *Teoria poznania praktycznego* [Theory of Practical Cognition]. Lublin, 1960.

Kojder A. Etyczno-imperatywna idea prawa Nicholasa S. Timasheffa [Ethical-imperative notion of law by Nicholas S. Timasheff]. *Prawo i społeczeństwo obywatelskie* [Law and civil society]. Warszaw, 1990, pp. 179–194.

Kojder A. Inspiracje Petrażyckie w twórczości Adama Podgóreckiego [Petrażyckian Inspirations in the Work of Adam Podgórecki]. *Idee naukowe Adama Podgóreckiego* [Scholarly Ideas of Adam Podgórecki]. Eds. J. Kwaśniewski, J. Winczorek. Warszawa, 2009, pp. 37–52.

Kojder A. Leon Petrażycki's Socio-legal Ideas and their Contemporary Continuation. *Journal of Classical Sociology*, 2006, no. 3, pp. 333–358.

Kowalski J. *Psychologiczna teoria prawa i państwa Leona Petrażyckiego* [The Psychological Theory of Law and State of Leon Petrażycki]. Warszawa, 1963.

Kurczewski J. Ambiguous Reciprocity. *Polish Sociological Bulletin*. 1976, no. 2, pp. 5–16.

Kurczewski J. Pitirim Sorokina teoria działań pozytywnych [Pitirim Sorokin's theory of affirmative action]. *Normy, Dewiacje i Kontrola Społeczna* [Norms, Deviations and Social Control]. 2013.

Kwaśniewski J. Polityka prawa jako nauka praktyczna [The Legal Policy as a Practical Science]. *Prawo w społeczeństwie* [Law in Society]. Ed. J. Kurczewski. Warszawa, 1975, pp. 193–221.

Lande J. Przedmiot i metody filozofii prawa [Subject Matter and Methods of Philosophy of Law]. *Przegląd Filozoficzny*. 1916.

Leon Petrażycki o ustroju socjalistycznym [Leon Petrażycki of the socialist system]. *Prawo i nauka w poglądach Leona Petrażyckiego*. [Law and science in thoughts of Leon Petrażycki] Eds. D. Gil, Ł. Pikuła. Lublin, 2013.

Leon Petrażycki's Theory of Morality and Law and the Ethical Development of Children and Youth. *Niedzica Castle Papers and Rights Duties*. Ed. J. Kurczewski. Warszawa, 1987, pp. 96–107.

Licki J. *The Life and Work of Leon Petrażycki (Report at the Scientific Session on Petrażycki, November 11, 1976 at the Polish Sociological Association)*. S. a., s. l.

Makowski W. Przyczynek do psychologii kryminalnej (Teoria: "r=p") [Contribution to Criminal Psychology (Theory: r=p)]. *Themis polska*. 1914, no. 1–2.

Mejro Cz. Powstanie i upadek państwa [The emergence and collapse of the state]. *Gazeta Sądowa Warszawska*. 1917, no. 25, 26, 27

Motyka K. Amerykańskie petrażycjana: Law and Morality w oczach krytyki [American petrażycjana: Law and Morality in the eyes of critics]. *Prawo i ład społeczny* [Law and order social]. Warszawa, 2000, pp. 314–327.

Motyka K. Prawo — socjologia prawa — polityka prawa. Wątki petrażycjańskie w twórczości naukowej Adama Podgóreckiego [Law — Sociology of Law — Legal Policy. Petrażycjian Strands in the Scholarly Work of Adam Podgórecki]. *Między autonomią a kontrolą* [Between Autonomy and Control]. Eds. A. Kojder, J. Kwaśniewski. Warszawa, 1992, pp. 88–100.

Orzecki M. Leon Petrażycki — zamiast nekrologu [Leon Petrażycki. Instead of Obituary]. *Palestra*. 1931, no. 8–9.

Petrazhitskii L. I. Teorii i politika prava: izbrannye trudy [Theory and politics of law: selected works]. Nauch. red. E. V. Timoshina. SPb., 2010. (in Russian)

Petrażycki L. *Law and Morality*, transl. Hugh W. Babb, introd. Nicholas N. S. Timasheff. Cambridge, MA, 1955.

Petrażycki L. O nauce, prawie i moralności. Pisma wybrane [About science, law and morality. Selected works]. Ed. by A. Kojder. Warszawa, 1985.

Posner S. W obcej szacie [In Foreign Cloth]. *Gazeta Sądowa Warszawska*. 1909, no. 24, p. 363.

Rozmaryn S. Prawo i państwo [Law and State]. *Demokratyczny Przegląd Prawniczy*. 1949, no. 11.

Rudziński A. W. *Z logiki norm* [On Logic of Norms]. Kraków, 1947.

Rundstein S. O etycznie obojętnych przepisach prawa [On Ethically Neutral Legal Rules]. *Gazeta Sądowa Warszawska*. 1903, no. 42, 43, 44.

Rundstein S. Orzecznictwo jako źródło prawa [Judicial Decisions as the Source of Law]. *Themis polska*. 1913, vol. I.

Schiff D. N. S. Timasheff's Sociology of Law. *Modern Law Review*. 1981, pp. 400–421.

Seidler G. L. *O istocie władzy państwowej* [On the Essence of State Power]. Kraków, 1946.

Szytkgold J. *Psychologiczna teoria prawa pozytywnego* [Psychological Theory of Positive Law]. Unpublished PhD thesis, 1937, Archiwum UJ.

Szydłowski R. *Siła i prawo* [Force and Law]. Kraków, 1946.

Ziegert K. A. Adam Podgórecki's Sociology of Law: the Invisible Factors of the Functioning of Law Made Visible. *Law and Society Review*. 1977, no. 1, pp. 151–180.

Znamierowski Cz. Psychologiczna teoria prawa. Analiza krytyczna [Psychological theory of law. Critical analysis]. *Przegląd Filozoficzny*. 1922, no. 1.